

ИНОПЛАНЕТЯНЕ

Волшебную страну и её столицу Изумрудный город населяли племена маленьких людей — Жевунов, Мигунов, Болтунов, у которых была очень хорошая память на всё, чему они удивлялись.

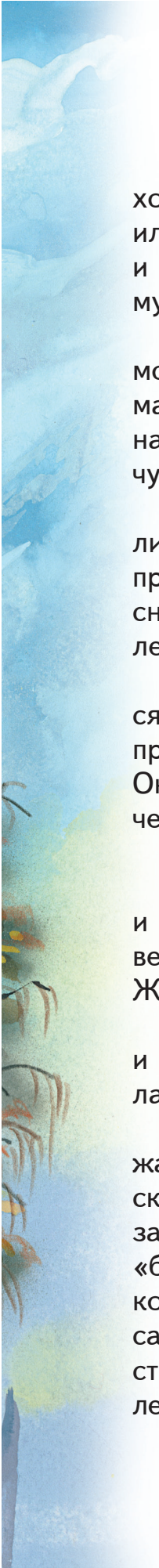
Удивительным было для них появление девочки Элли, когда её домик раздавил злую волшебницу Гингему, как пустую яичную скорлупу. Недаром Элли назвали после этого феей Убивающего Домика.

Не менее удивились жители Волшебной страны, когда увидели сестру Элли — Энни. Она тоже явилась им сказочной феей. Прискакала на необыкновенном муле, который питался солнечным светом, а у неё на голове был серебряный обруч, делающий каждого, кто его надевал и прикасался к рубиновой звёздочке, невидимым.

И ещё много-много чудесных событий случалось в Волшебной стране, о которых могли рассказать её жители. Только об одном чуде они почти ничего не знали — о том, как их страна стала Волшебной. Ведь она не всегда была отгорожена от остального мира Великой песчаной пустыней и окружена неприступными Кругосветными горами. Не всегда над ней сияло вечное солнце и птицы и звери говорили по-человечески.

Волшебной она стала по желанию великого чародея Гуррикапа.

Гуррикап в те времена был уже стар, думал об отдыхе, ему хотелось покоя и уединения. Поэтому могучий чародей построил себе замок в отдалении от Волшебной страны, у самых гор, и строго-настрого запретил её обитателям приближаться к своему жилищу, даже само имя Гуррикап вспоминать запретил.

Жители хоть и удивились, но поверили, что Гуррикапу и в самом деле никто не нужен. Проходили века и тысячелетия. Тихие маленькие люди, выполняя наказ чародея, старались не вспоминать о нём, никогда больше не видели его. Так и случилось, что чудеса Гуррикапа постепенно начали забываться.

Зато всякому злу добрые обитатели страны Гуррикапа не умели удивляться и потому недолго его помнили. Уж сколько бед принёс им Урфин Джюс, пытаясь завоевать Волшебную страну сначала со своими деревянными солдатами, а потом с многочисленной армией Марранов. И что же?

Лишь только Урфин задумался над своей судьбой и отказался помогать злой великанше Арахне, как добрые жители тут же простили ему все обиды и стали считать его хорошим человеком. Они верили: сотворившему добро хотя бы один раз уже не захочется возвращаться к злым поступкам.

Самое интересное, что так оно и случилось впоследствии.

Ну а после того, как друзья из Большого мира Энни, Тим и моряк Чарли помогли им победить колдунью Арахну, они снова весело глядели на небо, ярко-ярко-синее, где и в помине не было Жёлтого Тумана, посланного Арахной.

Славные обитатели Волшебной страны опять жили спокойно и счастливо, ниоткуда не ожидая опасности. А она приближалась, и — кто бы мог подумать? — именно с ясного неба.

Грозный космический звездолёт с планеты Рамерия уже приближался к Земле. Он мчался в мировом пространстве с неслыханной скоростью — сто пятьдесят тысяч километров в секунду. И, как записал в бортжурнале звёздный штурман инопланетянин Кау-Рук, «бороздил межзвёздную пустыню семнадцать лет». За это время космический корабль преодолел огромный путь, который свет — самый быстрый гонец во Вселенной (способный нестись со скоростью триста тысяч километров в секунду) — прошёл бы за девять лет. Так велико было расстояние от Рамерии до Земли.

Но чужестранные звездонавты даже не замечали полёта. Для них время остановилось с того момента, когда почти весь экипаж корабля был приведён в состояние анабиоза — так называют длительный сон при глубоком переохлаждении — и погружён в специальные отсеки полётного сна. Там звездонавты безмятежно спали добрых семнадцать лет.

Время потеряло свою власть над людьми — это было настоящее чудо. Если бы звездонавтов разбудили даже через тысячу лет, и тогда они бы проснулись точно такими, какими погрузились в сон.

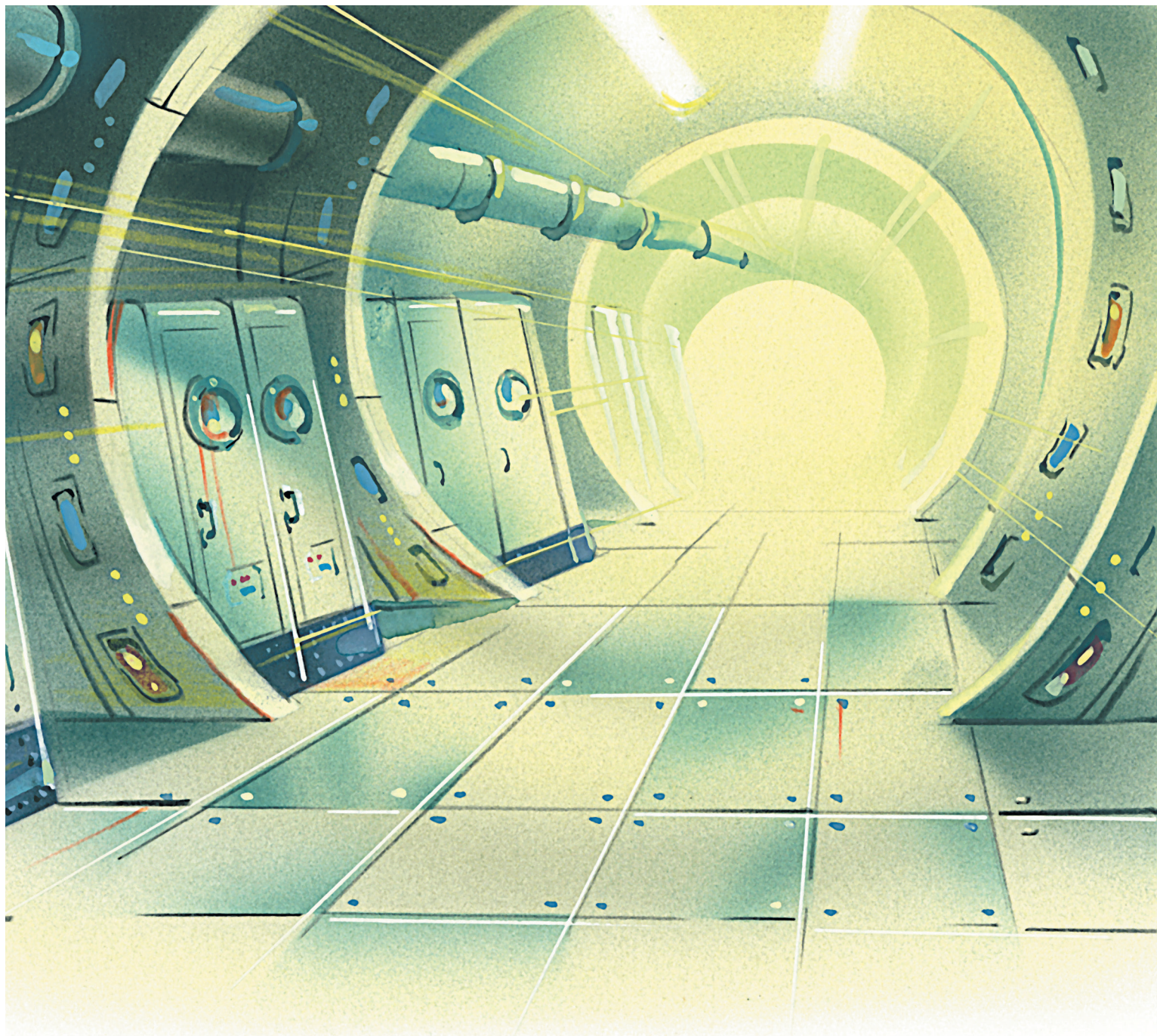

Непосвящённому отсеки казались гигантскими холодильниками с множеством ячеек, в каждой из которых находился член экипажа. Полированные поверхности ячеек сверкали зеркальным блеском, и, если приглядеться, на них то тут, то там проступали красные, синие, зелёные краны регулирования и ещё мигали разноцветные огоньки — то были лампы контролирующей аппаратуры.

Между тем штурман Кау-Рук, сидя в космической обсерватории, вычислял положение корабля в пространстве и отмечал курс на звёздной карте. Кроме Кау-Рука бодрствовали ещё три человека: командир звездолёта генерал Баан-Ну — он проверял в рубке корабля показания приборов; врач Лон-Гор — он наблюдал за состоянием спящего экипажа, следил за температурой, влажностью, регулировал содержание кислорода, подачу охладителя — жидкого гелия; да ещё лётчик Мон-Со, верный помощник генерала, самый точный исполнитель его приказов, ни разу не допустивший каких-либо возражений или оговорок.

Тишина в отсеках полётного сна казалась вечной. Лишь изредка в каюте врача раздавался требовательный сигнал сирены, и тогда Лон-Гор торопливой, но неслышной походкой проскальзывал к отсекам, поворачивал нужный, зелёный, красный или синий, кран, и опять наступала тишина.

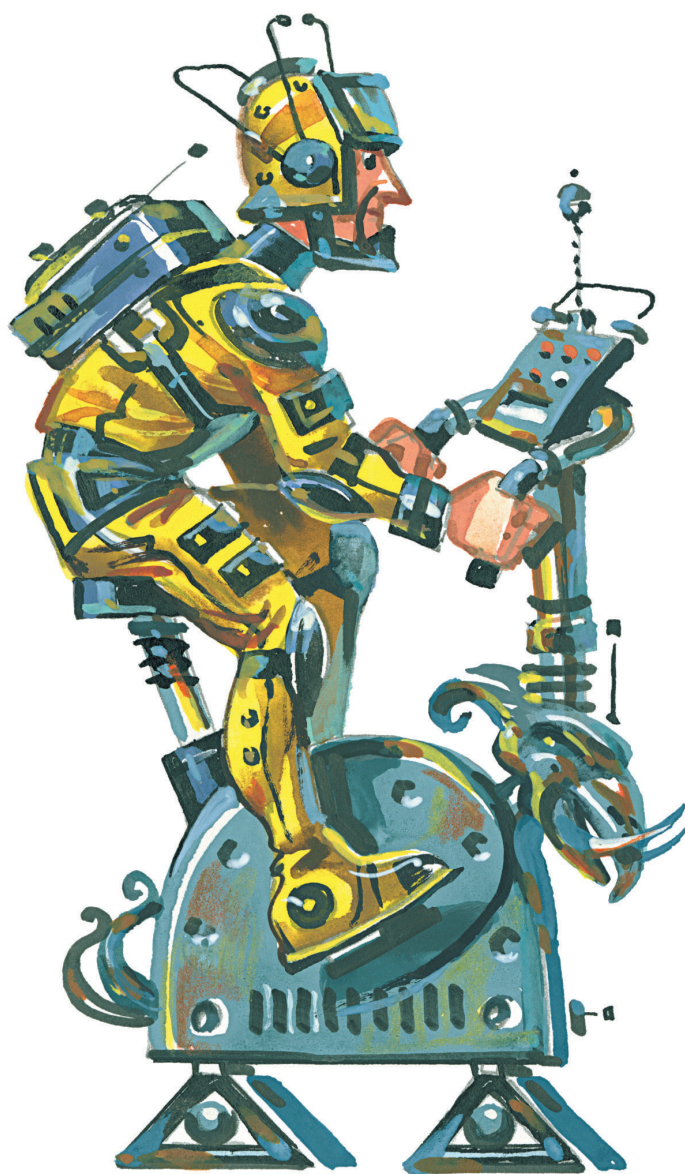
Мон-Со было нечего делать, его лётчики спали в отсеках; книг он читать не любил, поэтому сам с собой играл в крестики и нолики в каюте. Иногда Мон-Со бродил коридорами корабля или гонял там мяч, но только когда все уже спали. Он был вратарём футбольной команды и просто не мог обходиться без тренировок. На Рамерии все были приучены к спорту.

Четверо звездонавтов, несущих космическую вахту, каждое утро занимались особой полётной гимнастикой и здесь, на корабле. Изредка опаздывал на спортивные занятия Кау-Рук, когда зачитывался какой-нибудь интересной книгой. Необязательно рас-

сказом об истории народа, о каком-нибудь необычном характере человека или о приключениях, Кау-Рук с не меньшим увлечением читал книги по технике.

— Кау-Рук — самый способный человек вашего экипажа, — сказал генералу перед отлётом Верховный правитель Рамерии Гван-Ло. — Не назначаю его командиром звездолёта по одной причине: в нём мало исполнительности.

Но всё-таки заместителем командира штурман Кау-Рук был назначен.

ПРОБУЖДЕНИЕ ИЛЬСОРА

Для командира Баан-Ну, лётчика Мон-Со, для звёздного штурмана и бортового врача время не прошло незаметно: в полёте они постарели ровно на семнадцать лет. Правда, возраст на Рамерии исчислялся иначе: жили там люди в три раза больше, чем на Земле. Поэтому четверо звездонавтов, несущих вахту на корабле, по рамерийскому счёту оставались молодыми, полными сил.

Никем другим, кроме бодрствующих звездонавтов, покой огромного космического корабля не нарушался, в его каютах, служебных залах, машинном отделении, коридорах было пусто, оттого он казался необитаемым.

На самом деле на звездолёте не спал, вернее, находился в состоянии пробуждения ещё один человек — Ильсор, слуга генерала Баан-Ну. Его разбудили по приказу генерала. Баан-Ну дошёл до последнего изнеможения, он так устал обходиться без слуги, что давно уже был недоволен всем окружающим: двери, по его мнению, слишком громко хлопали, ручки и фломастеры писали плохо, еда, извлечённая из консервных банок, была невкусной, а постель совсем жёсткой. Командир скорее заставил бы прислуживать себе врача Лон-Гора, чем согласился вытерпеть ещё каких-нибудь несколько недель до всеобщего пробуждения космического экипажа. Он не привык одеваться сам и следить за своей внешностью, поэтому его рыжая всклокоченная борода разрослась до фантастических размеров; куртка, которую он натянул на комбинезон (очевидно, она заменяла мундир), оказалась без пуговиц; комбинезон — без «молнии» и смятый в гармошку; на локтях у генерала висели лохмотья, потому что он всё время цеплялся за какие-то острые углы, крючки; к тому же Баан-Ну не затруднял себя распознаванием левого и правого сапога: правый сапог у него неизменно оказывался на левой ноге, а это было чрезвычайно неудобно даже для генерала.

Лон-Гор долгое время до отказа крутил сначала один кран, затем другой, потом ещё выждал, пока все разноцветные лампочки не перестали мигать, показывая полное размораживание. Наконец блестящая полировкой ячейка раскрылась, замурованного

в ней Ильсора Мон-Со и Кау-Рук по приказу командира приподняли и перенесли из отсека в каюту врача.

— Ну, лежебока, вставай, — радостно приговаривал генерал, когда Ильсора несли из отсека под наблюдением Лон-Гора.

Ильсор пробуждался медленно, чуть-чуть покачиваясь на подвесном надувном матрасе, похожем на койку-гамак, какие обычно бывают у матросов в кубрике.

Ильсор занимал особое положение: он был не только хорошим слугой при генерале, но и прекрасным изобретателем. По его проекту построен звездолёт, на котором менвиты летят к Земле. Он называется «Диавона», что на языке избранников значит «Неуловимый».

Ильсор спал. Вдруг он вздрогнул, однако не проснулся и глаз не открыл. Он только почувствовал, как к нему наклонился Баан-Ну. До Ильсора долетел, как будто из бочки, голос бортового врача. Лон-Гор несколько раз повторил:

— Пробуждение требует времени, пробуждение требует времени.

Генерал наверняка не верил, что слуге требовалось какое-то время, потому что сделал нетерпеливое движение: протянул руку к Ильсору и изо всех сил тряхнул его за плечо. Слуга должен был тотчас же вскочить по первому его слову. Однако, в конце концов поняв, что от тряски мало проку, Баан-Ну отступил.

АРЗАКИ И МЕНВИТЫ

Ильсор ещё не понял, что находится на звездолёте. Он пробуждался, и это было похоже на то, как будто перед его глазами заново пробежала жизнь на Рамерии. Он видел далёкую родину. Видел свой народ — арзаков, их напоминавшие обломки скал дома у Серебряных гор. Серебром отливают не только горы, всю Рамерию покрывает мягкий струящийся белый свет. Серебристы почва, трава, деревья и кустарники, кажется, дотронься рукой до листьев — и они зазвенят.

Арзаки очень приветливы — они доверчивы как дети. И глаза у них внимательные, широко распахнутые.

Арзаки талантливы. Среди них много художников, врачей, учёных, писателей, конструкторов и инженеров, учителей. Арзаки не только многое умеют, они просто не могут не делиться тем, чего добиваются сами, со своими соседями менвитами и делают это с великой радостью. Но менвиты — люди коварные.

У менвитов есть Верховный правитель Гван-Ло, он ещё и колдун. Он обладает гипнотическим повелевающим взглядом и может приказать любому сделать то, что захочет. И только человек начнёт протестовать, как Гван-Ло посмотрит ему в глаза — и тот сразу умолкнет. Это колдовское искусство Верховный правитель унаследовал под страшным секретом от своих предков и обучил ему менвитов. Он ведь сразу обратил внимание на то, что арзаки — талантливый народ.

«А неплохо бы, — подумал Гван-Ло, — этот талант заставить работать на нас».